

Татьяна Артёмова

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ: ТРАДИЦИОННЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РЫНОЧНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Проясняются ценностные основания глобальных рыночных трансформаций, раскрыты традиционные представления о ценностях общественной жизни. Актуализирован эвристический потенциал концепта европейских ценностей как стержня цивилизационных взаимодействий для обоснования программ модернизации системы социально-экономических отношений и снижения неопределённости хозяйственных перспектив.

Ключевые слова: ценности общественной жизни, цивилизационные взаимодействия, глобальные рыночные трансформации.

JEL: A 130.

Проблема ценностей в предельно широком значении неизбежно возникала в эпохи обесценения культурной традиции и дискредитации идеологических устоев общества.

Философский энциклопедический словарь

Экономика новой нормальности

Современный этап развития мировой хозяйственной системы характеризуется разновекторными и противоречивыми тенденциями. Их совокупность специалисты трактуют как новую нормальность, как правило, имея в виду сужение оснований для расширенного воспроизводства реального сектора экономики и необходимость проведения политики жёсткой бюджетной экономии, которая, по-видимому, обещает быть долгосрочной (Антропов, 2017; Аньган, 2015; Глобальная система на переломе..., 2016; Делягин, 2015; Мартьянов, 2016; Утрата определённости..., 2014). На поверхности цивилизационного изгиба, сформированного на рубеже веков (в ходе информационной революции) экономикой знаний, феномен новой нормальности обозначил себя бифуркационным трендом, связанным со становлением экономики впечатлений² и гибридной войны

Артёмова Татьяна Ивановна (blagosostojanie1986@gmail.com), д-р экон. наук, доц., с.н.с.; главный научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

¹ Статья первая. Вторая статья в следующем номере журнала.

² Экономика впечатлений стала вызревать в лоне экономики знаний накануне глобального финансово-экономического кризиса. Она получила концептуальное обоснование усилиями теоретиков маркетинга и креативного менеджмента (*Йен-*

(Гилёв, 2014; Грамматчиков, Вандышева, 2017; Грин, 2016; Загорский, Ромашкина (ред.), 2015; Калдор, 2015; Проблемы конфликтности в современном мире, 2016; Роуз, 2016; Суриков, 2015; Цыганков (ред.), 2015; Черненко, 2016). В этой связи амбивалентность мировосприятия и поведения хозяйствующих субъектов всех уровней превращается в атрибут новой нормальности.

Двойственность мотивов, целей и результатов исходно характерна для модели традиционной (капиталистической) рыночной экономики, которая зиждется на вере в экономический рост и "ценностях" спроса и предложения; где стандартом поведения является удачливость экономических сделок субъекта, максимизирующего свою выгоду, а деловые "операции почти полностью вытеснили общественные отношения" (Сорос, 1999. С. 83). Но в условиях новой реальности модель поведения рыночных акторов подвергается дальнейшей трансформации.

Так, отвечая на экспансивные маркетинговые призывы приобщиться к эмоционально насыщенной элитной жизни, "массовый" потребитель (пользователь, клиент, абонент, пациент, гражданин и пр.) всё чаще предъявляет запрос на изысканно-комфортное удовлетворение традиционных потребностей и одновременно изъявляет готовность принять непосредственное участие в создании соответствующего инновационного продукта. С такой же регулярностью субъекты рынка демонстрируют пренебрежение, с одной стороны (как потребители), к бытовым удобствам, здоровью и даже жизни в угоду сиюминутных сомнительных впечатлений и эмоциональной подзарядки, с другой (как производители) – к элементарным нормам качества и безопасности торгуемых продуктов³ (Мосс, 2015).

На новом этапе конкурентной борьбы амбициозное позиционирование рыночных преимуществ глобальными акторами реализуется посредством инициатив грандиозных мегарегиональных проектов, манипулирования инструментами мягкой, жёсткой, "умной" силы, культивирования национального интереса, оживления имперских традиций. При этом высокомерие представителей политико-экономических элит парадоксальным образом, словно с системой призрачных параллельных миров, соседствует с обыденностью вопиющего имущественного расслоения, нерационального хозяйствования, нравственного упадка, неэффективного функционирования общественных институтов. Такой конгломерат общественных отношений с фасадом, умело драпируемым "режиссёрами впечатлений", на деле предстаёт театром военных действий – разгорающейся войны всех против всех.

сен, 2008; Пайн, Гилмор, 2005; Питерс, 2006; Риддерстралле, Нордстрем, 2004; Сливотски, 2006; Шмитт, Роджерс, Вроцос, 2005), а в послекризисный период, в условиях слабой продуктивно-исследовательской потенции официальной экономической теории, потеснив "родительницу", стала активно внедряться во все сферы общественного хозяйствования (от рынков потребительских товаров и развлечений до систем управления и государственной организации) посредством агрессивных маркетинговых технологий.

³ Молоко с антибиотиками и колбаса с фосфатами (2017). Почему украинцев кормят не едой, а химией. URL : <http://vesti-ukr.com/strana/246847-v-moloke-antibiotiki-v-kolbase-fosfatu> Дата обращения: 20.10.2017; Интернет-магазины будут закривати через неякісні товари (2017). URL: <http://fakty.ictv.ua/ua/ukraine/20170726-internet-magazynu-budut-zakryvaty-cherez-neyakisni-tovary/> Дата обращения: 20.11.2017.

Сказанное выше свидетельствует о том, что внутренняя глубинная деструкция господствующей модели рыночного хозяйствования не исчерпала себя вместе с завершением острой фазы глобального финансово-экономического кризиса, но проросла иными трансформами, среди которых наиболее знаковой становится многоликая гибридная война. Разрушительный характер такой войны усугубляется драматизмом переживаемого исторического момента, когда неосознанные в своей полноте цивилизационные метаморфозы общественного бытия сопрягаются с процессом "разворачивания истории в современность" (Гриценко, 1997. С. 4). Указанные процессы в совокупности бросают глобальный вызов существующим хозяйственным устоям общества. Однако в амбивалентно рефлексивной экономической среде растущая мощь глобальных угроз вместо своего напряжённого интеллектуального осмысления и обуздания ритмично поглощается встречными волнами эмоциональной расслабленности и равнодушия.

В таких условиях почти невозможно отыскать не просто точку опоры, но и самые причины для модернизации (преобразования) прочно укоренившихся норм и практик общественной жизни. Когда фундаментальными принципами широко пренебрегают во имя практической целесообразности, люди теряют ориентиры; когда успех становится единственным критерием, по которому судят о действиях, нет ничего, что остановило бы рефлексивное взаимодействие от движения на далекую от равновесия траекторию, в свое время писал Дж. Сорос (1999. С. 89). Сегодня, однако, речь идёт не просто о необходимости очередного восстановления частично утраченного локального экономического равновесия: распространение идеологии и практик гибридной войны в условиях глобальной неопределённости хозяйственных трансформаций несёт угрозу общим цивилизационным устоям человеческого универсума.

Глобально-всеобщий и одновременно гибридный (смешанный) характер военных действий обуславливает их тонкое вплетение в ткань хозяйственной жизни и внешнюю неразличимость для измененного общественного сознания. Действительно, в сетевой экономике, пронизанной импульсами впечатлений от тотального театрализованного маркетингового действия, война переживается как увлекательная виртуальная игра: с одной стороны, война постепенно становится всеобщей формой общественного хозяйства, с другой – экономическая деятельность предстаёт совокупностью хитроумных военных маневров. *Многообразие и запутанность внешних форм и способов ведения гибридной войны скрывают её глубинное основание – разгорающуюся историческую битву за ценности общественной жизни.*

Война как атрибут цивилизации исходно является борьбой за общественные ценности. Такие ценности на поверхности предстают, как правило, в материальной форме: завоевательные действия всегда сопряжены с хищническим захватом вполне конкретных территорий, ресурсов, имущества. Однако основу общественной жизни составляет культура, которая, в свою очередь, обуславливается ценностями духовными; именно битвой за такого рода ценности по своей природе оказывается любая военная агрессия, ибо она направлена на уничтожение, поработе-

ние, уничтожение неприятеля – на достижение морального превосходства над "другим" варварскими способами.

Сегодня полем брани за цивилизационные ценности становится бытие глобального общественного хозяйства и жизненное пространство каждого человека как гражданина мира. Как полагает С. Хантингтон, в нарождающемся мире столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов (1994. С. 33). Современная Украина находится в эпицентре происходящих событий, и битва различного рода политико-экономических сил за неё и внутри неё, по сути, является очагом глобальной брани за судьбу мира. Что касается Украины, то её нынешняя официальная политика направлена на преодоление ситуации неопределённости хозяйственных перспектив после крушения системы традиционного социализма и связана с борьбой за европейский выбор и европейские ценности.

Прояснить традиционные представления о ценностях общественной жизни; актуализировать творческий потенциал концепта европейских ценностей как стержня цивилизационных взаимодействий и оплота модернизации системы социально-экономических отношений в условиях глобальных рыночных трансформаций составляет **цель настоящей статьи**.

Ценностные основания глобальных рыночных трансформаций

Глобальные сдвиги в устоях общественного хозяйствования, начало которым положили распад Советского Союза, крах системы традиционного социализма в целом, а также постиндустриальные модификации экономики в рыночно зрелых странах, специалисты изначально связывали с кризисом общественных ценностных установок. Именно идеологические и цивилизационные предпочтения людей обуславливали изменения экономического базиса, и такой феномен наглядно отобразила наука, прежде всего экономическая теория. В этом смысле показателен кризис идеологии и теории марксизма. Однако и в странах Запада, начиная со второй половины XX века, учёные неустанно говорили о кризисе экономической теории. Экономисты отказались от поисков единственной причины явлений, от выведения из одного или немногих "фундаментальных" простейших понятий пирамиды сложных систем, претендующих на моделирование реальности, пишет в этой связи Ю. Ольсевич. Во-первых, выяснилось, что каждая из таких теоретических моделей страдает некоей предвзятостью и неизбежно вступает в противоречие с реальными тенденциями. Во-вторых, явная противоречивость исходных аксиоматических постулатов в различных теориях поставила под вопрос адекватность их общих логических конструкций. В-третьих, возросло убеждение в ограниченной продуктивности поисков постоянных, вечных экономических связей и законов. Отсюда – кардинальный поворот экономической науки от теоретического "выведения" систем из первичных элементов к противоположной задаче – конструированию систем, максимально приближённых к реальности, и определению природы и роли отдельного элемента сис-

темы, исходя из всей совокупности функциональных связей в экономике (Ольсевич, 1994. С. 509–510).

Является ли переход экономистов-теоретиков от монистического, причинно-следственного анализа к плюралистическому анализу-описанию выражением методологического бессилия или он скрывает реальное изменение самого характера развития, которое становится бессистемным, случайным? – задаётся вопросом Ю. Ольсевич. Если нет надёжной концепции причинно-следственных зависимостей, практично исходить из предположения о плюрализме факторов, из их независимого взаимодействия. Однако в очевидном противоречии с плюралистическим подходом находится общая направленность действия новейших глобальных тенденций. Если разнородные (технические, структурные, организационные, социальные, психологические, экологические и прочие) факторы действуют в одном направлении, это указывает на наличие некой общей основы, общей причины новых тенденций. Объективный подход позволяет предположить, что современная эпоха характеризуется не переходом, а более или менее устойчивым взаимодействием противоречивых тенденций, вырастающих из общей основы. В этой связи правомерны самокритичные признания теоретиков о том, что "наука не располагает адекватным методом, чтобы научно охватить проблемы такой высокой сложности" (А. Бухгольд), мы не можем найти такого звена, которое держит всю цепь (Э. Тоффлер), (Черковец (ред.), 1994. С. 131–132); "метод восхождения от абстрактного к конкретному применим в полной мере лишь к развитому объекту, а в исследовании переходных состояний обнаруживает свою недостаточность" (Гриценко, 1997. С. 4) и другие.

Причины перехода от монистического каузального подхода к плюралистическому описанию в методологии экономических исследований связаны с особенностями ценностного общественного восприятия рыночных трансформаций, говорит Ю. Ольсевич. Появление всё новых и новых мощных движущих звеньев и "связок" в процессе роста не ликвидировало прежние, а наслаивалось на них и их трансформировало, не уничтожало старые тенденции, а порождало сосуществующие контртенденции. Это и питает представления о том, что "ось" развития исчезла – оно стало "поликоординатным", что экономическая связь времён распадается, а закономерности развития замещаются пучком тенденций, связь между которыми неясна (Черковец (ред.), 1994. С. 134).

Между тем плюрализм в экономической науке постепенно трансформировался в практику хозяйственной жизни. Борьба мнений в отсутствие фундаментальных ценностных ориентиров облеклась в идеологию войны всех против всех, приросла технологиями "троллинга", мягкой, жёсткой и "умной" силы. Как апогей духовной нищеты (безумия) социума на пороге Царства разума, предугаданного в эпоху Просвещения и подкреплённого двумя глобальными проектами – постиндустриального и коммунистического будущего, гибридная война обесценила значимость самих указанных проектов.

После распада системы традиционного социализма концепт постиндустриальной рыночной трансформации получил возможность беспрепятственного (неконкурентного) воплощения. Однако обещанное им информационное общество как система беспрецедентного материального

изобилия и небывалых возможностей для реализации человеческого потенциала (Иноземцев (ред.), 1999. С. 401–462; Гуревич (ред.), 1986. С. 316–329; 356–370; 329–409; Семёнов, 1998) вскоре после глобального финансово-экономического кризиса выродилось в экономику впечатлений (эмоционального транс) – своеобразную ширму для большинства, за которой комфортно пребывать конструкторам и менеджерам новой нормальности. Модель экономики знаний, вооружённой технологиями непрерывной диффузии инноваций, обернулась такой хозяйственной системой, где обещания грандиозных возможностей идут рука об руку с глобальным обманом; изысканно-изошрённое сверхпотребление привычно соседствует с социальной люмпенизацией.

Разочарование от несбывшихся надежд усиливает ценностный разлад в обществе; при этом всё большее число хозяйствующих субъектов возлагают ответственность за экономическое, политическое и социальное неблагополучие на коммунистическую идеологию. Цели и принципы социализма стали объектом общественного отторжения, ожесточённой мировоззренческой борьбы. Между тем столь же ожесточённо и непримиримо со второй половины XIX и вплоть до конца XX века велась борьба за упрочение и реализацию идеалов социализма.

В начале 1920-х годов Л. фон Мизес с горечью писал: Социализм – это лозунг и отличительный признак нашего времени. Социалистическая идея – доминанта духа современности. Массам она нравится. Она выражает мысли и чувства всех; она поставила своё клеймо на наше время – будущий историк назовёт его "эпохой социализма". И ведь так оно и есть. Социализм не создал общества, в котором бы воплотился его идеал. Но в течение времени большего, чем жизнь поколения, политика цивилизованных народов была направлена к постепенному воплощению социализма (Мизес, 1994. С. 23). Ссылаясь на исследования В. Сиднея, в соответствии с которыми уже в конце 1880-х годов социалистическая философия достаточно чётко сформулировала и успешно закрепила на практике ранее бессознательно принятые принципы общественной организации, Мизес говорит о впечатляющей победе социализма к началу XX века: "Ни одна влиятельная партия не рискнёт открыто защищать частную собственность на средства производства. Слово "капитализм" выражает в наше время тотальность зла" (1994. С. 23).

Даже противники социализма подчинены социалистическим идеям, продолжает автор. Ведь если социалистической программе можно противопоставить только то, что она угрожает интересам части человечества, значит, социализм уже признан. С другой стороны, если против социализма можно сказать только то, что он нереализуем в силу несовершенства человеческой природы или что при данных условиях хозяйствования не следует осуществлять полное обобществление, – это ведь и есть капитуляция перед социализмом. Громадная власть русских большевиков держится на полной победе социалистических идей в последние десятилетия. И сила большевизма заключается не в советских пушках и пулеметах, но в том факте, что большая часть мира воспринимает их идеи с симпатией, замечает Мизес (1994. С. 23–24). Действительно, победа принципов социализма отвечала положению классиков марксизма о том, что идея становится материальной силой, как только она овладевает

массами, отвечая непосредственным интересам и потребностям каждого человека, к которому она обращена.

Однако с 1970-х годов как-то незаметно и решительно роль главной революционной теории в мире перешла к неоконсерватизму (с монетаризмом в качестве его экономического ядра), пишет Ю. Ольсевич. С помощью этой доктрины началось повсеместное сокрушение сложившихся социально-экономических структур – от Европы до Азии и Латинской Америки. Марксизм же – вместе с вебленовским институционализмом, посткейнсианством и другими "немонетаристскими" теориями, стал выполнять функцию защиты социальной национальной специфики от унифицирующего катка "неоконсервативного" радикализма (Ольсевич, 1999. С. 699).

Столь быстрый и относительно лёгкий отказ от учения там, где оно ранее признавалось "единственно правильным и научным", по мнению автора, может быть объяснён тремя взаимосвязанными обстоятельствами, а именно, тем, что:

- кризис теории в обществе назревал подспудно;
- в научном и обыденном восприятии исходная концептуально-идеологическая установка на превосходство "реального социализма" над капитализмом стала приходиться в явное противоречие с фактами повседневной хозяйственной жизни;
- официальная марксистская доктрина перестала отражать интересы основной части правящей элиты и сколько-нибудь широких слоёв населения стран традиционного социализма (Ольсевич, 1999. С. 687).

В целом, рассуждает автор, "революционность" либо "консервативность" теоретических изысканий в значительной мере зависит от того, в какой исторической обстановке и кем они используются. В руках экстремистски настроенной части общества почти любая теория может стать орудием разрушения и насилия (Ольсевич, 1999. С. 699).

Между тем экономическая доктрина марксизма по своей природе имеет сугубо европейское происхождение. К тому же, по мнению выдающегося украинского экономиста и общественного деятеля Б. Гаврилишина, противопоставление ценностей социализма интересам украинского народа лишено глубинных оснований. Следует обратить внимание на один очень интересный момент, отмечает автор. Наибольшие противоречия украинского общества кроются в идеологическом противостоянии националистического и социалистического (советского) дискурсов. На эту тему опиралось множество политических спекуляций и попыток расколоть украинское общество. Но если на уровне идеологии указанные дискурсы являются враждебными, то на уровне ценностей они намного ближе между собой в сравнении с ценностями индивидуально-конкурентного плана. Ибо нация и класс – это олицетворение групп высшего порядка, в которых господствуют идеалы взаимопомощи и солидарности. Поэтому сфера ценностей должна стать той платформой, которая объединит украинский народ⁴.

⁴ Будзович, Ю. (2015) Концепція національної єдності Богдана Гаврилишина (14 листопада 2015 р.) URL: <http://informal.com.ua/politics/kontseptsiya-natsionalnoji-jednosti-bohdana-havrylyshyna/> Дата обращения: 26.06.2017.

Но, несмотря на основательную путаницу в понятиях и логике общественного мышления, реальностью нынешнего дня является историческое поражение идеалов социализма. Марксизм-ленинизм как-то скоропостижно и неловко, с грохотом, сошёл с исторической арены, и сегодня его, как правило, никто не рассматривает в качестве ориентира хозяйственной жизни. Даже Китайская Народная Республика, одна из немногих сохраняющая приверженность идеалам социализма, в своей политике неявно и осторожно руководствуется теорией традиционного марксизма, пытаясь "китаизировать" её – детерминировать системой национальных ценностей (Вэйпин, 2017; Си, Сыпинь, Ласу, 2013; Цзюньжу, 2017). Основная коллизия глобальной идеологической борьбы сосредоточилась сегодня вокруг европейских ценностей; именно они оказываются предметом присвоения либо отторжения, но, в конечном итоге, до сих пор остаются основанием дорожной карты построения общества, приемлемого для жизни. На них неизменно ссылаются как на некий универсальный моральный императив, способный нивелировать национальную идентичность любого гражданского общества, переплавив её в котле общечеловеческого государства.

Но что представляют собою европейские ценности как научное понятие и система общественных отношений, к которой следует вождельно стремиться?

Как это ни странно выглядит в контексте частоты употребления указанного термина в общественных кругах различного уровня, найти ответ на поставленный вопрос довольно непросто. Размытость, недосказанность, косноязычие, лукавство, а в целом – одна сплошная тайна окружает в современном просвещённом обществе содержание того, что на поверхности называют ценностями жизни и активно используют по собственному усмотрению, не задумываясь – к месту и не к месту, на большие и малые повседневные житейские потребности. Как в случае с Большой королевской печатью, которая по неведению использовалась для колки орехов в романе М. Твена "Принц и нищий".

Традиционные представления о ценностях общественной жизни

Несмотря на то, что ценности современной общественной хозяйственной жизнедеятельности (впрочем, не только современной) явно обусловливаются экономическими принципами, исследователи отказывают им не просто в экономическом происхождении, но выводят за пределы науки, а зачастую – и общественных отношений. Действительно, социальные ценности как совокупность моральных норм, правил, установок традиционно считаются объектом исследования теологии, философии (в частности аксиологии), моральной этики, а ныне также культурологии, социологии и определяются здесь довольно абстрактно (отвлечённо).

О путанице понятий "идеи", "идеалы", "ценности" в философской литературе говорит, в частности, С. Мареев, внося свою скромную лепту в общую сумятицу. Со словами "идея", "идеал" связана противоположность идеального и материального; в слове "ценность" эта противоположность смазывается, пишет автор (Мареев, 2010. С. 176). На современном языке, на языке современной философии идеи и идеалы превра-

тились в "ценности". Но это потому, что человек перестал производить свою жизнь универсально, а стал строить её частным образом. "Ценности" появляются только во второй половине XIX века, когда померкли все прежние идеалы: когда закатывается общее для всех Солнце, каждый начинает зажигать отдельную лампадку. "Ценности" становятся таинственными духовными сущностями. Их даже по имени назвать невозможно. Ни у одного из "теоретиков ценностей" вы не встретите ни одного конкретного названия, например, Любовь, Истина, Красота, Дружба. Значит, ценности – это нечто другое. Но что? Этот вопрос так и остаётся без ответа; возникает даже подозрение, что этого сознательно не хотят сказать и делают вид, будто это "тайна великая есть" (Мареев, 2010. С. 178–179). Одно проясняет для себя и всех остальных автор, а именно – то, что в понятии ценности теряется отношение человека к человеку и остаётся отношение человека к вещи (Мареев, 2010. С. 180).

В социологии ценность трактуется как свойство общественного предмета удовлетворять определённые потребности социального субъекта; как понятие, с помощью которого характеризуют социально-историческое значение для общества и личностный смысл для человека определённых явлений действительности (Осипов (ред.), 1995. С. 871). "Выстроенные как духовно-нравственные начала и всё те же извечные представления о добре и зле, справедливом и несправедливом, допустимом и недопустимом, ценности не формируют каких-либо общественных отношений, – пишет академик И. Иванов, ссылаясь на мнение В. Лексина. – Они остаются лишь доминирующими представлениями, образами (антиобразами), мифами и иероглифами значимости таких отношений, укоренившихся в быту и в общественной жизни. Однако ныне они выступают как элементы "мягкой силы", в том числе в международных отношениях" (Иванов, 2012. С. 13).

Между тем вне связи с бытием хозяйствования, основу которого составляют отношения экономической жизнедеятельности, общественные ценности утрачивают свою уникальную творческую – жизнеутверждающую и жизнепреобразующую – способность, а вместе с тем и теплоту конкретно-исторического социального и собственно человеческого содержания. Двумя великими силами, формировавшими мировую историю, были религия и экономика, пишет в этой связи А. Маршалл. Иногда на время возобладал пылкий дух военных или людей искусства, но нигде влияние религиозного и экономического факторов не оттеснялось на второй план или даже на короткий срок, и почти всегда эти две силы имели большее значение, чем все другие. Религиозные мотивы сильнее экономических, но их непосредственное воздействие редко распространяется на столь обширную жизненную сферу (Маршалл, 1993. Т. 1, с. 56).

Однако в современной экономической теории понятие "ценность" не имеет самостоятельного значения и употребляется, как правило, в привязке к чему-либо (ценные бумаги, валютные ценности и пр.); в профессиональном экономическом лексиконе, характерном для страхового дела, оценочной практики и прочих сфер, оно отображает оценочные суждения (ценность имущества, дисконтированная ценность и пр.). Такое положение дел неслучайно. Согласно представлениям, сформированным традиционной экономической теорией, система общественного

хозяйствования не имеет собственного (внутреннего) ценностного основания и требует сторонних подпорок и стимулов для функционирования и развития. Известно, что официальная политико-экономическая доктрина социализма советского типа дополнялась Моральным кодексом строителя коммунизма. Господствующая же ныне логика рыночного ведения хозяйства, согласно канонам экономикс, определяется мотивами личной выгоды экономического субъекта, рационально распределяющего ресурсы под неусыпно довлеющим влиянием регулирующих и контролирующих сил механизма конкуренции (Макконнелл, Брю, 1992. Т. 1, с. 18–59; Самуэльсон, Нордхаус, 2000. С. 66–74). Моральные императивы, хотя и признаются желательными для субъектов экономической системы, но по своей природе остаются чуждыми ей⁵. "Оценочные суждения или нормативные утверждения возникают на уровне обоснования экономической политики", – пишут К. Макконнелл и С. Брю. Но и здесь они являются вторичными по отношению к каноническим "микроэкономическим" принципам, должны опираться на них (1992. Т. 1, с. 23). Моральным принципам, таким образом, нет места в рыночной экономике, она не опознаёт их даже как инструмент "удешевления" хозяйственной системы; по меткому выражению Л. Туроу (1999. С. 201), желание стать преступником здесь так же законно, как и желание быть священником.

Все вышесказанное вносит невероятную путаницу в головы людей (от представителей самой высокой науки до простых обывателей), а вместе с тем существенно искажает всю систему общественных отношений. Б. Гаврилишин в этой связи с горечью замечал: "Я не хочу, чтобы меня называли экономистом, потому что именно экономисты свели прогресс стран к одному единственному показателю – росту валового продукта на душу населения. Очень много негативных последствий имеет такой прогресс. Например, человек не имеет никакой ценности в экономической системе. Он является здесь лишь ресурсом, а не капиталом"⁶.

Концептуальные конструкторы европейских ценностей

Все трудности, связанные с определением содержания общественных ценностей, в полной мере характерны для понятия "европейские ценности". Согласно традиционным толкованиям, *европейские ценности* суть совокупность аксиологических максим, основных принципов обустройства семьи, общества и государства, политико-экономических, правовых, культурных, этических и других моральных норм, объединяющая значимое большинство жителей Европы (в более широком смысле –

⁵ Такая традиция уходит корнями в трактаты представителей меркантильной школы, согласно которым рыночная торговля есть великое и благородное дело обогащения, а хорошие барыши составляют цель и смысл купеческой деятельности (Плотников (ред.). 1935. С. 159). Однако для того, чтобы не вырывать кусок из рта друг друга, купцам следовало бы руководствоваться способами заработка, более угодными Богу и соответствующими духу известной голландской поговорки "живи и дай жить другим", взывает, в частности, Т. Ман (Плотников (ред.), 1935. С. 159–160).

⁶ Глуховський, М., Сокирчук, Н. (2016). "Революцією ми не перетворимо Україну на нормальну державу". Заповіт Богдана Гаврилишина (24 жовтня 2016 р.) URL :<http://glavcom.ua/publications/revolyucijeyu-mi-ne-peretvorimo-ukrajinu-na-normalnu-derzhavu-zapovit-bogdana-gavrilishina-379277.html> Дата звернення: 26.06.2017.

"западного мира"), служащая основой их идентичности⁷. Как видно, аналогичным образом можно формулировать и все иные прочие национальные и межнациональные ценности. Несмотря на то, что наличие общих ценностей считается фундаментальным основанием для самого существования Европейского Союза и процессов европейской интеграции, единого канонического (признанного экспертным сообществом) списка европейских ценностей нет, хотя как данность они закреплены в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸ (2017). Тем не менее, по мнению специалистов (А. Гесселя, Э. Штретеншulte и других), когда заходит речь о европейских ценностях, все понимают друг друга, хотя каждый и вкладывает в это понятие своё видение предмета⁹.

В Договоре о Европейском Союзе после внесения изменений, предусмотренных Лиссабонским договором, совокупность европейских ценностей представлена следующим образом: *Статья 2. Ценности Союза*. Ценностями, на которых основан Союз, являются уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов, которая характеризуется плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между женщинами и мужчинами¹⁰. В преамбуле Хартии Европейского Союза по правам человека эти ценности-принципы изложены так: принцип уважения человеческого достоинства, принцип обеспечения прав и свобод человека и гражданина, принцип равенства, принцип солидарности, принцип демократии и принцип правового государства. Подчеркивается, что они основаны на духовном, нравственном и историческом наследии народов Европы¹¹.

Являясь частью общего европейского цивилизационного наследия, исторические ценности впитывают в себя многие постулаты античности, раннего христианства, эпохи Возрождения и европейских буржуазно-демократических революций, ныне и опыт самой европейской интеграции, пишет И. Иванов (2012. С. 13). В Лиссабонском договоре, отмечает автор, упоминается около двадцати различных ценностей, среди них пять основополагающих специально выделены в преамбуле Договора, а именно: права человека, свобода, демократия, равноправие и верховенство закона. Остальные и более частные ценности получают своё признание и оформление через устои, цели и функции ЕС, хотя и при смешении этих понятий и их россыпи в правовом поле Евросоюза (Иванов, 2012. С. 14).

⁷ Европейские ценности (2017). Материал Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Европейские_ценности. Дата обращения: 27.06.2017.

⁸ Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод (2017). Измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13. URL : http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf Дата обращения: 25.10. 2017.

⁹ Европейские ценности (2017).

¹⁰ Договор о Европейском Союзе (1992–2007) (Маастрихт, 7 февраля 1992 года). (Текст с изменениями и дополнениями от 13 декабря 2007 г.). Неофициальный перевод. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/994_029. Дата обращения: 25.10. 2017.

¹¹ Хартия основных прав Европейского Союза (2000). Торжественная прокламация (Ницца, 7 декабря). URL: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/994_524. Дата обращения: 25.10. 2017.

Под устоями Европейского Союза понимается историческое наследие (религиозное, духовное, гуманитарное, культурное и прочее) стран-членов, а также их приверженность европейской идентичности и интеграции. Вместе с ранее заявленными пятью жизненными ценностями они призваны обеспечивать идеологическое единство и динамику интеграционного процесса (Иванов, 2012. С. 14). По мнению А. Меркель, успех европейской интеграции всегда будет уходить корнями именно в эти ценности¹². Цели же Европейского Союза весьма изменчивы и в зависимости от этапов интеграции и существующих вызовов приобретают форму постулирования конкретных хозяйственных проблем и способов их разрешения. Такими целями могут, в частности, выступать переход к устойчивому экономическому росту, обеспечение занятости, региональное развитие и другие. В таком контексте, замечает И. Иванов, цели выглядят как мимикрия конкретных интересов Союза (2012. С. 14). Принципы, в соответствии с которыми реализуются основные ценности, подразделяются на общие и специальные. Общие, как правило, претендуют на некую глобальную универсальность (таковы положения преамбулы Лиссабонского договора), тогда как специальные определяют уставные компетенции Европейского Союза и механизмы их реализации (например, добросовестное исполнение странами-членами своих обязательств по интеграции, солидарность, субсидиарность и пропорциональность, единство внешней политики Европейского Союза, обеспечение представительной демократии и другие). До сих пор они размещаются в правовом поле ЕС бессистемно, вперемешку с целями, устоями и интересами и потому плохо агрегируются, пишет И. Иванов (2012. С. 14).

В целом большинство сторонников концепции европейских ценностей относят к ним следующее:

- общность исторической судьбы и наследия народов Европы и, шире, Запада;
- право наций на самоопределение;
- парламентаризм, демократическое обустройство государства и общества с акцентом на соблюдение и поддержку прав меньшинств;
- верховенство права, правовую культуру;
- рыночную экономику, базирующуюся на частной собственности;
- социальную справедливость, опирающуюся на социальное партнерство;
- приоритет прав человека, суверенитета личности над государственным суверенитетом;
- либеральный индивидуализм;
- светскость общества и культуры, во многом основанную, однако, на христианском наследии;
- толерантность и мультикультурализм¹³.

Однако, по мнению специалистов, именно формализованные европейские ценности оказываются сегодня наименее воспринимаемыми и социально приемлемыми из всего международного цивилизационного

¹² Европейские ценности (2017). Материал Википедии – свободной энциклопедии URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Европейские_ценности. Дата обращения: 27.06.2017.

¹³ Там же.

багажа. Прежде всего, потому, что экономически они опираются на платформу правого неолиберализма, то есть в основе своей представляют апологетику индивидуализма и эгоизма, которая разделяется далеко не всеми народами (Иванов, 2012. С. 15–16). К тому же распространение европейских ценностей осуществляется во многом при посредстве инструментов официальной внешней политики и даже с применением санкций, вследствие чего идеалы часто проигрывают интересам Европейского Союза, а убеждение и мессианство пасуют перед принуждением. По сути, Запад использует международные организации, военную мощь и финансовые ресурсы для того, чтобы утверждать превосходство, защищать собственные интересы и навязывать ценности, пишет С. Хантингтон (1994. С. 42).

Наконец, в самом Евросоюзе его официальные ценности, по образному выражению, находятся на "осадном положении". С одной стороны, политика мультикультурализма¹⁴ испытывает здесь очевидный кризис, особенно перед лицом ислама. С другой стороны, Западный мир давно чувствует себя неуверенно в религиозном отношении, а в философском – окончательно запутался в экзерсисах постмодерна, пишет Н. Козин. Восприняв в начале нашей эры христианство, заложив с его помощью духовные и культурные основы исторического возвышения своей цивилизации, начиная с эпохи Возрождения, Запад оказывается во власти дехристианизирующего начала (Козин, 2005. С. 199–201). В части эклектики европейские ценности изначально представляли собой внутренне противоречивый набор канонов католицизма, протестантизма (в различных его обликах), а ныне в них также частично инкорпорируются идеи общественных движений антиглобализма, саентологии, экологии и другие, отмечает И. Иванов (2012. С. 17). Поэтому из числа всех ценностей идеологи Европейского Союза делают ныне специальный акцент на демократию и права человека как парадигму, призванную объединить вокруг себя общество¹⁵.

Институт демократии, действительно, является важнейшим достоянием человечества, но чем более выхолащиваются его нравственные основания вследствие отдаления от религиозных и культурных истоков в пользу усиления принципов операциональности, тем менее он способен выполнять возложенные на него исторические функции. Возникает трудно преодолимое искушение вообще заменить мораль правом и, в частности, признать нравственным всё то, что не запрещено законом, замечает Н. Козин (2005. С. 200). Не случайно на возникающие внутренние и внешние вызовы и угрозы европейское сообщество, как правило, отвечает не силой цивилизационной идентичности, а политическими инструментами мультикультурализма, "дифференцированной (секторальной) интеграции", европейского оборонного союза, новой социальной европейской

¹⁴ Сегодня в Европейском Союзе предпринимаются попытки трансформировать политику мультикультурализма в политику интеркультурализма, призванную сфокусироваться на поиске конкретных методов эффективной коммуникации между субъектами – носителями различных культур. Однако специалисты скептически оценивают реальную действенность такой трансформации (Гришин, 2017. С. 72–74).

¹⁵ Отмечается, в частности, если речь идёт о демократии и правах человека, то европейцы точно знают, что это такое, ибо демократия родилась и запатентована в сердце Европы, в античных Афинах, двадцать пять веков назад (Иванов, 2012. С. 17).

политики, инициативами "Европы разных скоростей", "Европы ста цветов" и другими.

Между тем политические принципы слишком зыбки для того, чтобы стать фундаментом устойчивого социально-экономического развития общества в условиях глобальной нестабильности. С одной стороны, они являются исторически преходящими, с другой – неизбежно содержат определённый политический умысел; так, в "Толковом словаре" В. Даля политика определяется как "виды, намерения и цели государя, немногим известные, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые"¹⁶. Примером такого непостоянства и манипулирования сегодня может служить политическая интерпретация прав человека, породившая феномен "войны правами человека". По мнению специалистов, начиная со второй половины XX столетия, права человека активно используются как инструмент политического давления и торга и по этой причине постепенно превращаются в фиктивный абсолют. Со временем в орбиту прав человека могут быть вовлечены практически все сферы общественной жизни (от права пользования интернетом до права на туризм), что в совокупности с претензией на безапелляционную универсальность прав человека как базовой европейской ценности ведёт к необратимой девальвации фундаментальной основы самой правозащитной доктрины (Бабиченко, 2016. С. 5).

Истиной, однако, является и то, что европейские ценности сохраняют авторитет в мировой политической сфере. Действительно, традиционный международный хозяйственный порядок в течение XX века во многом основывался на вестфальских принципах (суверенитета, невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности государств), которые в своё время (к середине XVII века, на исходе тридцатилетней войны) позволили сформировать иерархичную систему "баланса сил" в Европе. Эти принципы не преодолевали анархичную природу международной среды, не исключали стремлений отдельных субъектов к переустройству общего порядка в своих интересах, но в целом позволяли поддерживать относительно устойчивый плюрализм действующих политических сил, замечает Э. Соловьёв, ссылаясь на Г. Киссинджера (Соловьёв, 2016. С. 103).

Миропорядок, каким мы знаем его в Новое время, не был глобальным в смысле интеграции региональных порядков в единое целое, говорит Г. Киссинджер. Он был европейским порядком, который распространился на весь мир благодаря энергии, предприимчивости, военному превосходству Запада и созданной им колониальной системе. В этом смысле мировая политическая система до сих пор остаётся совокупностью центр-периферийных отношений, в которой роль генератора и распространителя новых ценностей и норм принадлежит странам Запада. Вестфальские принципы при этом были приняты представителями незападного мира не только и не столько потому, что их навязывал Запад, но в силу того, что они оказались приемлемыми для их собственного развития и реализации "суверенного равенства", утверждает Г. Киссинджер¹⁷ (2015. С. 17–18).

¹⁶ Значение слова "политика" в словаре В. Даля (1863–1866). URL : // <https://slovar.cc/rus/dal/566683.html> Дата обращения: 10.10.2017.

¹⁷ Следует признать, однако, что автор немного лукавит: после Первой мировой войны и Октябрьской социалистической революции мировой порядок всё более стал определяться политико-экономическим противостоянием между СССР и

После Второй мировой войны Соединенные Штаты взяли на себя миссию преемника исторического наследия Европы, а вместе с тем и гаранта реализации европейских ценностей в пространстве международных политико-экономических отношений. В этой связи понятие "западный мир" получило расширительную трактовку, объединяя принципы политико-экономического устройства развитых стран Европы, США, Канады, Японии и других, официально воспринявших традиционную европоцентричную идеологию мирового устройства в интерпретации США. По сути, со второй половины XX века мировой порядок определялся противостоянием между СССР и США, которые негласно присвоили себе традиционные европейские ценности политико-экономического обустройства и выступали на мировой арене с их собственной интерпретацией.

Европейские ценности как стержень цивилизационных взаимодействий

После распада хозяйственной системы традиционного социализма мировое политико-экономическое противостояние не исчерпало себя. Прежде всего значительно активизировалось взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями, которые не желают выступать объектами западной колониальной политики, а претендуют на роль полноправных субъектов исторического процесса, пишет С. Хантингтон (1994. С. 34). Попытки Запада распространять собственные ценности – демократию и либерализм в качестве общечеловеческих, сохранять военное превосходство и реализовывать свои экономические интересы сегодня всё чаще наталкиваются на сопротивление других цивилизаций¹⁸. Идентичность на уровне цивилизации будет становиться всё более важной; правительства и политические группировки, желающие заручиться поддержкой населения и сторонников по коалиции, всё чаще будут апеллировать к общности религии и цивилизационных ценностей (Хантингтон, 1994. С. 37–43).

Осмысливая указанную тенденцию, И. Иванов, в частности, рассуждает следующим образом. Европейские ценности существуют в мире наряду со многими другими и поэтому не могут претендовать на статус универсальных. Другие великие цивилизации по своим духовным и гуманистическим канонам мало в чём уступают западноевропейской модели мироустройства и даже превосходят её. Так, древнекитайская "Книга перемен" ("У Цзин"), написанная за две тысячи лет до Библии и за полторы тысячи лет до обращения Европы в христианство, отобразила такие добродетели, как гуманность, справедливость, верность, терпимость, мудрость и долженствование. Ислам отрицает любую социальную несправедливость и признаёт ценностью братство людей. Свои каноны нравственности и гуманизма имеют буддизм, православие, синтоизм, иудаизм,

---

странами Запада, которое перетекло в жёсткое военное противостояние. Однако и после победы над нацизмом, в ходе холодной войны, неявно, мироустройство, действительно, продолжало основываться на принципах традиционного европейского порядка.

¹⁸ По мнению С. Хантингтона, новый облик мира в значительной мере будет обуславливаться взаимодействием семи-восьми крупных цивилизаций, к числу которых, наряду с западной, он относит конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации (1994. С. 36).

другие конфессиональные модели мировоззрения. Именно поэтому теоретики взаимодействия цивилизаций А. Тойнби и О. Шпенглер выступали против идеологии высокомерного европоцентризма; о недопустимости таких тенденций говорят и многие современные исследователи, замечает автор (Иванов, 2012. С. 15).

Однако общие доводы в пользу снижения значимости и статуса европейских ценностей в условиях цивилизационных противостояний новейшего времени неубедительны. Апеллируя к логике Л. Мизеса, можно говорить, что даже непримиримые оппоненты европейских цивилизационных ценностей сегодня неосознанно находятся во власти их магического очарования. Ведь если "империализму" западных концептов и практик демократического обустройства можно противопоставить только то, что они противоречат интересам части человечества, значит, такие идеи и практики общепризнанны. С другой стороны, если в укор концепту западных ценностей ставится то, что он нереализуем при данных условиях хозяйствования отдельными народами, – это ведь и есть идейная капитуляция перед ним. В пользу сказанного красноречиво свидетельствует устойчивый тренд масштабных миграционных "приливов" в Европу представителей народов, цивилизационно "враждебных" ей.

Как видно, напряжённые попытки обрести и сохранить собственную ценностную идентичность в соотношении с господствующими установками общечеловеческих ценностей осуществляются в широком контексте цивилизационных взаимодействий. Но даже в такой полифонии взаимоотношения между традиционным Западным миром и теми странами, которые явно или неявно опираются на марксистскую трактовку всё тех же западных ценностей выделяются особой колоратурой и силой звучания. Так, Китай сегодня прямо обуславливает крушение советской модели хозяйствования и патологическую дисфункциональность современной России как национального и геополитического хозяйственного субъекта её поспешным радикальным разрывом с ранее перевозносимой системой общественных ценностей и, прежде всего, с марксистской политико-экономической доктриной (Ломанов, 2012. С. 114; Шевченко, 2017; Шеньмин, 2017. С. 14). Сам же он, по мере роста экономического могущества, не просто оспаривает претензии на универсальность (а следовательно, и глобальное доминирование) западной системы ценностей, но активно осваивает технологии концептуального оформления и реализации политики мягкой силы. В последние годы здесь прилагаются значительные усилия по систематизации и всесторонней пропаганде национальных ценностей как основы официальной идеологии. Китайские теоретики считают, что все ценностные концепции имеют исторически конкретный характер, и содержание понятий свободы, демократии, справедливости изменяется вслед за экономическими и общественными условиями (Ломанов, 2015. С. 138–139).

Возрождение и систематизация национальных китайских ценностей начались в 1990-е годы в контексте восстановления "национального учения" (госюэ) как традиционной системы знания, существовавшей до заимствования западных наук. В сравнении с западными традициями особенностями китайской ментальности считается то, что ответственность здесь предшествует свободе, долг – правам, коллектив стоит выше индивида,

социальная гармония – выше конфликта. Официальный список "сердцевинных социалистических ценностных воззрений" как добродетели, без которой нация и государство лишаются опоры и возможности последовательно развиваться, впервые был обнародован в 2012 году на XVII съезде КПК. Двенадцать ключевых ценностей ассоциированы в трёх группах:

Ценности государства – богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония.

Ценности общества – свобода, равенство, справедливость, правовое правление.

Ценности индивида – патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбие.

Ключом к пониманию китайских ценностей как добродетели официально выступают уже не труды Маркса и Ленина, а трактаты древних философов. При этом, опираясь на "стержневые ценности" и национальные культурные ресурсы, защищая экономику от проникновения чуждых "западных ценностей", Китай делает заявку на реализацию "китайской мечты о великом возрождении китайской нации" и равноправное с Западом участие в формировании существующего ныне мирового порядка¹⁹ (Ломанов, 2015. С. 147–150). Но, несмотря на возрастающую экономическую мощь Китая, его шансы на установление "альтернативного мирового порядка" специалистами оцениваются невысоко: сегодня Китай не располагает универсальной идеологией и ценностями, безусловно привлекательными для других стран; следовательно, у него пока нет достаточных возможностей претендовать на собственную международную повестку дня (Ломанов, 2015. С. 138).

Новая загадка: несмотря на весьма древние цивилизационные корни и колоссальную работу, проведённую китайскими исследователями-энтузиастами по кристаллизации и реформированию системы национальных ценностей на рубеже XIX–XX веков, на беспрецедентный экономический подъём последних десятилетий, сопряжённый, в отличие от постсоветских стран, с адекватной "мягкой" коррекцией социалистических идеологических установок на фоне тотальных рыночных сдвигов и трансформаций, шансы Китая на обретение глобального экономического лидерства остаются неопределёнными (Артёмова, 2017. С. 132–133). Разгадать её невозможно, не разрешив другую, более широкую проблему, связанную с прояснением ценностных причин распада традиционной системы социализма. Ибо, несмотря на то, что китайские общественные ценности официально всё более обуславливаются национальными культурными "ресурсами", а китайское руководство всеми силами защищает экономику от тлетворного влияния чужеродных "западных ценностей", подспудно основу общественного устройства КНР составляет политико-экономическая доктрина марксизма в её традиционной интерпретации. В этом смысле "идейный враг" китайского общества находится вовсе не за пределами Великой стены, а внутри самой Поднебесной, и такие ценностные установки, действительно, способны ослабить устои его общего экономического могущества.

¹⁹ В контексте становления новой модели международных отношений Си Цзиньпин, в частности, призвал усилить пропаганду и разъяснение взаимосвязи между концептом китайской мечты, надеждами на лучшую жизнь народов всех сопредельных стран и перспективами развития региона (Ломанов, 2015. С. 152).

В контексте сказанного представляет интерес опыт послевоенного развития Японии, сумевшей достичь экономического расцвета не посредством опоры на традиционные региональные ценности, а вследствие принудительной прививки цивилизационных ценностей Запада. Первой решительно разгромленной азиатской альтернативой либерализму был уклад, представленный имперской Японией, пишет Ф. Фукуяма. Он был уничтожен силой американского оружия; победители навязали Японии либеральную демократию. Несмотря на то, что западный капитализм и политический либерализм подверглись здесь значительным преобразованиям, сам факт, что существенные элементы экономического и политического либерализма привились в уникальных условиях японских традиций и институций, свидетельствует об их способности к выживанию (Фукуяма, 1990. С. 141). Действительно, уникальная по своей жестокости и последующему эффекту модель послевоенных экономических преобразований в Японии, вошедших в историю под названием экономического чуда, свидетельствует в пользу универсального значения европейских ценностей²⁰, но правдой является и сегодняшнее "застойное" состояние японской экономики.

Подобного рода "чудеса" с последующей стабилизацией экономического развития наблюдались во многих других странах в послевоенное время. В Латинской Америке аналогичную принудительную ценностную прививку экономического развития получила Чили; в новейшее время инициативная опора на "западные" ценности способствовала быстрому экономическому возвышению стран – "новых азиатских тигров", которые, впрочем, также со временем утратили энергию активного жизненного подъёма. Справедливости ради надо отметить, что практика экономического возвышения была характерна и для стран, получавших прививку традиционных социалистических ценностей в период мировой конкуренции двух социально-экономических систем. Предел такой тенденции положил стремительный распад хозяйственной системы социализма во главе с СССР, который одновременно выявил и общие пределы прочности базового концепта традиционных европейских ценностей.

Как отмечают специалисты, в конце XX – начале XXI века устойчивое сочетание противоречивых глобальных тенденций нарастания неопределённости хозяйственных перспектив и взаимозависимости хозяйствующих субъектов обусловило то, что установленный и провозглашённый универсальным миропорядок оказался на переломном этапе. Масштабные политические, финансовые, экономические кризисы последних десятилетий поколебали устои существующей доктрины мироустройства. Сомнению подверглись предположения о том, что распространение принципов демократии, новой версии прав человека и свободного рынка способно автоматически создать справедливый, безопасный и, главное, приемлемый для всех мир, пишет Г. Киссинджер. Более того, многие субъекты глобальной периферии стали считать, что кризисы порождаются именно политикой и правилами развитых стран Запада, наряду с различными аспектами глобализации (2015. С. 472–473).

²⁰ Любопытно, что в качестве базовой "западной ценности", посредством которой Япония вошла в клуб развитых стран, Ф. Фукуяма называет универсальную культуру потребления – символ и фундамент общечеловеческого государства (1990. С. 141).

Цивилизационная модификация традиционных концептов европейских ценностей

Концепт европейских ценностей сегодня с трудом сдерживает натиск глобальных проблем; так что лидеры Европейского Союза вынуждены время от времени делать официальные заявления о непреходящем значении своего цивилизационного наследия для сохранения единства и благополучия как собственной ассоциации, так и человечества в целом. К этому их обязывают, например, события, связанные с демонтажем модели социального государства, изменением конфигурации политико-экономических сил и процессов после президентских выборов в США, с необходимостью сохранения "европейской идентичности" в условиях активизации миграционных процессов и центробежных тенденций в самом Европейском Союзе и многое другое. Кроме того, традиционные формы европейских ценностей стремительно модифицируются, вызывая не просто отторжение, но и агрессию со стороны представителей других стран и конфессиональных сообществ.

Так, принципы приоритета прав человека, демократии и толерантности становятся платформой для культивирования и активной пропаганды практик свободной любви, транссексуальности, однополых браков, прорастают девиациями ювенальной юстиции, легализации рынков оружия, наркотиков и т. д. При этом исходно обретенный в форме системы морально-нравственных понятий, концепт европейских ценностей всё чаще начинает получать своё обязывающее оформление. На смену морали и убеждениям Лиссабонский договор вводит механизмы политического контроля, правоприменения и правопринуждения; в итоге европейские ценности всё более лишаются своих утопических и мистических граней, становятся аксиоматическими, априорными, замечает И. Иванов (2012. С. 15).

Всё это, вопреки оптимистической риторике политических лидеров, свидетельствует о девальвации концепта европейских ценностей как ориентира построения общества, приемлемого для жизни. Неслучайно Б. Гаврилишин настойчиво повторял в своих интервью и на встречах с учащейся молодежью, что "Европа нуждается в Украине, ибо мы способны принести им ценности, которые они забыли"²¹.

В условиях нарастающих глобальных вызовов бытия, неспособности их адекватного политико-экономического осознания, а следовательно, и формирования достойного общественного ответа, концепт европейских ценностей становится катализатором глобальной гибридной войны. Если в годы холодной войны основные очаги общественного напряжения сосредоточивались вдоль политических и идеологических границ, то теперь они перемещаются на линии разлома между цивилизациями, говорит С. Хантингтон (1994. С. 38). Между тем, как считает С. Хайтун, в пределах "постиндустриального кейнсианского мира" развитых стран сформировалось новое геополитическое мышление, в соответствии с которым экономическое счастье одних подпитывает экономическое счастье других; так что всем выгодно, когда соседи живут хорошо, и силовые конфликты меж-

²¹ Богдан Гаврилишин на зустрічі з МІМівцями (2017): "Європа потребує України, адже ми можемо принести їм цінності, які вони забули". URL: <http://eng.mim.kiev.ua/alumni/novyny/gavrulushin/> Дата звернення: 26.11.2017.

ду ними оказываются ненужными. Искры конфликтов разлетаются за пределы клуба богатых и счастливых, а внутри него царят мир и согласие (Хайтун, 2011. С. 28–29). Однако возможности переждать лихолетье нарастающей тотальной неопределённости хозяйственных перспектив в узком кругу счастливых и богатых субъектов представляются весьма сомнительными. Призрак неведомой новизны бродит повсеместно, отмечает в этой связи Ф. Лукьянов. Давно не было ситуации подобной всепроникающей неопределённости, когда не получается внятно сформулировать даже характер происходящих изменений. Любопытно, каким станет мир, в котором все весомые игроки повернутся внутрь себя, а пространство для действия откроется для тех, кто ни за что не отвечает и заинтересован исключительно в революционном раскачивании (Лукьянов, 2017. С. 5–6).

Европейские ценности как объект глобальной гибридной войны

После глобального финансово-экономического кризиса гибридная война непрестанно набирает обороты. Манипулирование технологиями мягкой, жёсткой, "умной" силы сегодня затрагивает все сферы хозяйственной деятельности и жизненное пространство каждого человека. "Троллинг" в социальных сетях и за их пределами, революции, скрытая и откровенная жестокость в отношениях между людьми, акты гражданского неповиновения и девиантного поведения на фоне пренебрежительного отношения элит к нуждам и чаяниям "простых людей", нарастание имущественного расслоения и асимметрии возможностей человеческого развития становятся нормой повседневности. Когерентное сочетание таких "нормальных" феноменов в контексте усиления киберугроз и уязвимости информационно-технологических коммуникаций, либерализации рынков вооружений способно обернуться военными катаклизмами глобального характера. Между тем явления вульгаризации и люмпенизации, характерные для новейшего этапа общественной жизни, в значительной мере обуславливаются (как сказал бы И. Кант) смятием обыденного разума. Последний ищет научной опоры в установлении высших нравственных оснований жизни и, не находя её, обрекает себя и общество на бесконечную разрушительную критику (Артёмова, 2014а. С. 14–18).

В условиях девальвации традиционных ценностных концептов, неопределённости их содержательного политико-экономического наполнения вследствие ценностной амнезии (а вместе с тем и общего социального "равнодушия") официальной экономической теории (Артёмова, 2014а, 2014б) битва мнений в обществе не имеет перспектив к завершению. И по сути своей – это брань за торжество европейских ценностей жизни. Даже на краю бытия глобальный социум будет уповать на них, потому что с ними явно или неосознанно связана его надежда на спасение. Наиболее часто интеллектуальные битвы такого рода разворачиваются на виртуальных площадках всемирной сети.

Знаете ли вы, что такое европейские ценности? – задается вопросом один из блогеров интернета А. Литовченко. – И никто не знает. Потому, что нет никаких "европейских ценностей". Это всего лишь один из удобных пропагандистских штампов, который можно наполнять любым

содержанием в зависимости от конъюнктуры. Сколько ни старайся, невозможно отыскать смысл общих ценностей для отдельных европейских стран и народов. Не являются таковыми политические, идеологические и мировоззренческие позиции, а также и ценности мирного урегулирования конфликтов. Некую религиозную терпимость также невозможно представить в качестве "европейской ценности". Не существует для жителей европейских стран и общих стандартов высокого качества жизни. Даже ценности "правового государства", "гражданского общества" и "демократии" существуют разве что на уровне конституционных деклараций. Может быть, прибыль и ценности буржуазной экономической выгоды суть "европейские ценности"? Но если бы это было так, то не было бы активизации "левого" движения и радикальных настроений в европейских государствах и регионах²².

О. Котрус после нескольких лет пребывания во Франции, напротив, считает, что европейские ценности вполне можно привести к общему знаменателю, говоря в широком смысле о европейцах, их образе мышления и жизни. Следующие ценности, по мнению блогера, объединяют французских граждан, а вместе с ними и всех прочих подданных стран Европейского Союза²³:

- Равноправие в отношениях с властью, аналогичное для отношений с партнёром по жизни.
- Социальная ответственность и осведомлённость, начиная с сортировки мусора, соблюдения законов, умения выстаивать цивилизованные очереди и вести себя вежливо.
- Знание своих гражданских прав, потому что именно отсюда вытекает равноправие в отношениях с властью.
- Более широкий спектр бытовых потребностей, обусловленный желанием не просто "тянуть ляжку", а получать удовольствие от комфортной жизни.
- Открытость, толерантность, уважение к чужому выбору – от цвета волос и особенностей одежды до сексуального партнёра.
- Здоровое отношение к чужим и собственным финансам.
- Уважение ко всем профессиям и привычка делать свою работу без скорбного выражения лица.
- Отношение к старости, когда люди пенсионного возраста живут полноценной жизнью – хорошо одеваются, обедают в ресторанах, достойно отдыхают, занимаются шопингом.

По мнению Г. Балашова, европейские ценности – демократия, свобода, неприкосновенность частной собственности, безопасность, толерантность, мультинациональность, приоритет прав личности – невозможны в бедном обществе. Главной европейской ценностью, пишет блогер, являются огромные деньги. Без них ни одна из европейских ценностей (кто бы что под этим термином не подразумевал) не работает. За систе-

²² Литовченко, А. (2013). Европейские ценности. Бессмысленные и беспощадные. 7 октября 2013 г. URL : <http://3rm.info/publications/39605-evropeyskie-cennosti-bessmyslennye-i-besposchadnye.html>. Дата обращения: 10.06.2017.

²³ Котрус, О. (2016). Что такое европейские ценности. 11 мая 2016 г. URL : <https://ru.tsn.ua/blogi/themes/zhittya/chto-takoe-evropeyskie-cennosti-629315.html>. Дата обращения: 10.06.2017.

му юриспруденции, за все европейские свободы приходится очень дорого платить; здесь всё оценивается с точки зрения денег и полезности. Европейские ценности поддерживаются офшорами, дороговизной элитной недвижимостью, Лондонского суда. Для украинских граждан без огромных капиталов невозможно осуществить ни одну европейскую ценность: невозможно выполнить Конституцию и соблюдать законы. Без денег мы – заложники нищеты и выживания, заключает автор²⁴.

Сегодня говорить о ценностях стало просто модно, но на самом деле никто не знает, что такое европейские ценности, пишет блогер А. Репя. Представители политической элиты ведущих европейских держав своими высказываниями и поведением демонстрируют факты классового бессознательного и морального ценностного раздвоения. Выходит, что категория ценностей – это чисто экономический термин, который может менять "стоимость" в зависимости от конъюнктуры²⁵.

Перечень подобных мнений можно продолжить. При этом высказываются они не в столь толерантной форме: эмоции на интернет-форумах "зашкаливают", троллинг перетекает в жёсткие и откровенно жестокие баталии. Между тем, похоже, что Европа под бременем забот о комфортном обустройстве земной жизни забыла о своих подлинных ценностях. По мнению Н. Бердяева, это гениально провидел И.В. Гете. Судьба европейской культуры – это судьба Фауста, пишет Н. Бердяев. Присущая душе Фауста (душе Западной Европы) исключительная динамичность неведома душе античной, эллинской. В молодости, в эпоху Возрождения и ещё раньше, в Возрождении средневековом, душа Фауста страстно искала истину, потом влюбилась в Гретхен и для осуществления своих бесконечных человеческих стремлений вступила в союз с Мефистофелем, злым духом земли. И фаустовская душа постепенно была изъедена мефистофелевским началом. Она пришла к осушению болот, к инженерному искусству, к материальному устройству и материальному господству над миром. Но осушение болот – лишь символ духовного пути Фауста: в этом пути своём он переходит от религиозной культуры к безрелигиозной цивилизации, где истощается его творческая энергия, умирают бесконечные стремления. Всякая культура неизбежно переходит в цивилизацию; цивилизация же завершается исчерпанием творческих сил культуры, говорит Н. Бердяев (1922. С. 55–56).

Империализм и социализм одинаково суть цивилизация, а не культура, пишет Н. Бердяев, ссылаясь на О. Шпенглера (*Бердяев*, 1922. С. 64). Следовательно, здесь бессмысленно искать духовную подоплёку ценностям общественной жизни. В этом смысле драматизм революционных рыночных трансформаций для народов не только постсоветского пространства, но и всего мира состоит в том, что постаменты сокрушённых идолов коммунистического прошлого зияют пустотой, ибо традиционный концепт европейских ценностей ещё только предстоит переосмыслить и творчески восстановить.

²⁴ Балашов, Г. (2016). Слон европейских ценностей. URL http://balashov.com.ua/articles/slon_evropeiskih_tsennostei/ Дата обращения: 10.06.2017.

²⁵ Репя, А. (2017). Насправді ніхто не знає, що таке європейські цінності (05 июля 2017 г.) URL: <https://www.veme.news/blog/naspravdi-nihto-ne-znaye-sho-take-yevropejski-cinnosti/> Дата обращения: 25.10.2017.

Литература

- Антропов, В. (2017). Европейская социальная модель и политика жёсткой экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. № 3. С. 45–54.
- Аньган, Ху (2015). "Новая нормальность" Китая. *Россия в глобальной политике*. № 3. С. 162–169.
- Артёмова, Т. (2014а) Чистая моральная наука: про самооправдание "фундаментального" научного знания в условиях глобальной модернизации. *Экономическая теория*. № 2. С. 5–20.
- Артёмова, Т. (2014б). Чистая моральная наука: про самооправдание "фундаментального" научного знания в условиях глобальной модернизации. *Экономическая теория*. № 3. С. 5–23.
- Артёмова, Т.И. (2017). Глобальное экономическое лидерство в контексте ценностного анализа. *Экономика Украины*. № 5–6. С. 123–135.
- Бабиченко, К. Н. (2016). Война правами человека. *Свободная мысль*. № 1. С. 5–18.
- Бердяев, Н. (1922) Предсмертные мысли Фауста. Бердяев Н. А., Бухшпан Я. М. и др. *Освальд Шпенглер и Закат Европы*. М.: Книгоиздательство "Берек". 95 с. С. 55–72.
- Вэйпин, С. (2017) Марксистская философия в современном Китае. *Свободная мысль*. № 4. С. 131–160.
- Гилев, А. (2014) Многомерная война и новая оборонная стратегия. *Россия в глобальной политике*. № 5. С. 47–56.
- Глобальная система на переломе: на пути к новой нормальности (2016). *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 5–25.
- Грамматчиков А., Вандышева О. (2017). Идет кибервойна народная. *Эксперт*. № 5. С. 13–19.
- Грин, Р. (2016). 33 стратегии войны. Москва: Рипол Классик. 896 с.
- Гриценко, А.А. (1997). Структура рыночной трансформации инверсионного типа. *Экономика Украины*. № 1. С. 4–10.
- Гришин, И. (2017). Иммиграционные заботы Швеции. *Мировая экономика и международные отношения*. № 9. С. 66–76.
- Гуревич, П.С. (ред.) (1986) Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей. Москва: Прогресс. 451 с.
- Делягин, М. (2015). Чего мы не знаем. *Свободная мысль*. № 1. С. 37–50.
- Загорский, А. В., Ромашкина, Н. П. (ред.) (2015). Угрозы информационной безопасности в кризисах и конфликтах XXI века. Москва: ИМЭМО РАН. 152 с.
- Иванов, И. (2012) Анатомия европейских ценностей. *Современная Европа*. № 2. С. 13–23.
- Йенсен, Р. (2008) Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит ваш бизнес. Москва: Манн, Иванов и Фербер. 270 с.
- Иноземцев, В.Л. (ред.) (1999). Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Москва: Academia. 640 с.
- Калдор, М. (2015) Новые старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. Москва: Дело. 416 с.
- Киссинджер, Г. (2015). Мировой порядок. Москва: "АСТ". 512 с.
- Козин, Н. (2005). Есть ли будущее у Запада? *Свободная мысль*. № 4. С. 192–201.
- Ломанов, А. (2012) Кальций для коммунистов. *Россия в глобальной политике*. № 6. С. 106–119.
- Ломанов, А. (2015). Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными. *Россия в глобальной политике*. № 5. С. 138–152.
- Лукьянов, Ф. (2017) Сверхдержава на автопилоте и бродячий призрак. *Россия в глобальной политике*. № 2. С. 5–6.
- Макконнелл, К. Р., Брю, С. Л. (1992). Экономикс: Принципы, проблемы и политика: в 2-х т. Москва: Республика.
- Марева, С. (2010). Идеи, идеалы и "ценности". *Свободная мысль*. № 1. С. 173–186.
- Мартынов, В. С. (2016). Прощай, средний класс. *Свободная мысль*. № 5. С. 53–70.
- Маршалл, А. (1993). Принципы экономической науки: в 3-х т. Москва: Издательская группа "Прогресс".
- Мизес, Л. фон (1994). Социализм. Экономический и социологический анализ. Москва: "Catalaxy". 416с.
- Мосс, М. (2015). Соль, сахар и жир: как пищевые гиганты посадили нас на иглу. Москва: Манн, Иванов и Фербер. 336 с.

- Ольсевич, Ю.Я. (1994). Послевоенная мысль Запада: ключ к пониманию (вместо заключения). *Всемирная история экономической мысли*: в 6-ти т. Т 5. Москва: Мысль. 559 с. С. 508–522.
- Ольсевич, Ю. Я. (1999) Современный кризис экономической теории марксизма (глава 31). *История экономических учений: (современный этап)*. Москва: ИНФРА-М. 733 с. С. 687–700.
- Осипов, Г.В. (ред.) (1995). Энциклопедический социологический словарь. Москва: ИСПИ РАН. 940 с.
- Пайн, Дж., Гилмор, Дж. (2005). Экономика впечатлений. Москва: Вильямс. 304 с.
- Питерс, Т. (2006) Основы. Дизайн / Пер. с англ. – Москва: Манн, Иванов и Фербер. 160 с.
- Плотников И. С. (ред.) (1935). Меркантилизм. Ленинград: ОГИЗ; Соцэкгиз. 340 с.
- Проблемы конфликтности в современном мире (2016). *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 90–101.
- Риддерстралле, Й., Нордстрем, К. (2004). Караоке-капитализм. Дніпропетровськ: Баланс Бізнес Букс. 312 с.
- Роуз, К. (2016) Война валютных девальваций. *Мир перемен*. № 3. – С. 100–109.
- Самуэльсон, П. А., Нордхаус, В. Д. (2000). Экономика. Москва: Лаборатория Базовых Знаний. 800 с.
- Семенов, А. (1998). Новые правила для новой экономики. Дайджест статьи Кевина Келли в журнале "Wired". *Знание – сила*. № 4. С. 20–29.
- Си, Чень, Сыпинь, Ай, Ласу, Цай (2013). Путь национального возрождения и китаизация марксизма. Пекин: Пекинская компания "Шанс"; Санкт-Петербург: Буки Веди.
- Сливотски, А. (2006). Миграция ценности. Что будет с вашим бизнесом послезавтра? Москва: Манн, Иванов и Фербер. 432 с.
- Соловьев, Э. (2016). Возрождение истории и проблема формирования нового миропорядка. *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 102–108.
- Сорос, Дж. (1999). Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Москва: ИНФРА-М. 261 с.
- Суриков, В. (2015). Поле битвы – экран. *Эксперт*. № 18–19. С. 60–61.
- Туроу, Л. (1999). Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний. *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. Москва: Academia. 640 с. С. 185–222.
- Утрата определённости: очертания посткризисного мира (2014). Седьмое заседание интеллектуального клуба журнала "Свободная мысль". *Свободная мысль*. № 6. С. 133–152.
- Фукуяма, Ф. (1990). Конец истории? *Вопросы философии*. № 3. С. 134–148.
- Хайтун, С.Д. (2011). Постиндустриальная нравственная революция и ее экономическая (кейнсианская) первооснова. *Вопросы философии*. № 3. С. 24–35.
- Хантингтон, С. (1994). Столкновение цивилизаций? *Полис*. № 1. С. 33–48.
- Цзюньжу, Л. (2017). Об основных вопросах китаизации марксизма. *Свободная мысль*. № 4. С. 65–76.
- Цыганков, П.А. (ред.) (2015). "Гибридные войны" в хаотизирующемся мире XXI века. Москва: Издательство МГУ.
- Черковец, В.Н. (ред.) (1994). Всемирная история экономической мысли: в 6-ти т. Т 5. Москва: Мысль. 559 с.
- Черненко, Е. (2016). Начало политической кибервойны. *Россия в глобальной политике*. № 6. С. 134–144.
- Шевченко В.Н. (2017) Трагедия перестройки с точки зрения китайских ученых. *Свободная мысль*. № 4. С. 191–196.
- Шеньмин, Л. (2017) Октябрьская революция словно художественное полотно. *Свободная мысль*. № 4. С. 9–20.
- Шмитт, Б., Роджерс, Д., Вроцос, К. (2005) Бизнес в стиле шоу. Маркетинг в культуре впечатлений. Москва: Вильямс. 400 с.

References

- Antropov, V. (2017). Evropejskaja social'naja model' i politika zhjostkoj jekonomii [European social model and austerity policy]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. № 3. P. 45–54. (In Russian)
- An'gan, Hu (2015). "Novaja normal'nost'" Kitaja ["New Normality" of China]. *Rossija v global'noj politike*. № 3. P. 162–169. (In Russian)

- Artjomova, T. (2014a) Chistaja moral'naja nauka: pro samoopravdanie "fundamental'nogo" nauchnogo znanija v uslovijah global'noj modernizacii [Pure moral science: about self-justification of "fundamental" scientific knowledge in conditions of global modernization]. *Jekonomicheskaja teorija*. № 2. P. 5–20. (In Russian)
- Artjomova, T. (2014b). Chistaja moral'naja nauka: pro samoopravdanie "fundamental'nogo" nauchnogo znanija v uslovijah global'noj modernizacii [Pure moral science: about self-justification of "fundamental" scientific knowledge in conditions of global modernization]. *Jekonomicheskaja teorija*. № 3. P. 5–23. (In Russian)
- Artjomova, T.I. (2017). Global'noe jekonomicheskoe liderstvo v kontekste cennostnogo analiza [Global economic leadership in the context of value analysis]. *Jekonomika Ukrainy*. № 5–6. P. 123–135. (In Russian)
- Babichenko, K. N. (2016). Vojna pravami cheloveka [War of Human Rights]. *Svobodnaja mysl'*. № 1. P. 5–18. (In Russian)
- Berdjaev, N. (1922). Predsmertnye mysli Fausta [The Death Thought of Faust]. *Berdjaev N. A., Bukshpan Ja. M. i dr. Osva'd Shpengler i Zakat Evropy*. Moskva: Knigoizdatel'stvo "Bereg". 95 p. P. 55–72. (In Russian)
- Vejpin, S. (2017). Marksistskaja filosofija v sovremennom Kitae [Marxist philosophy in modern China]. *Svobodnaja mysl'*. № 4. P. 131–160. (In Russian)
- Gilev, A. (2014). Mnogomernaja vojna i novaja oboronnaja strategija [Multidimensional war and a new defense strategy]. *Rossija v global'noj politike*. № 5. P. 47–56. (In Russian)
- Global'naja sistema na perelome: na puti k novej normal'nosti (2016) [Global system at the break: on the way to a new normality]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. № 8. P. 5–25. (In Russian)
- Grammatchikov A., Vandysheva O. (2017). Idet kibervojna narodnaja [There is a cyberwar folk]. *Jekspert*. № 5. P. 13–19. (In Russian)
- Grin, R. (2016). 33 strategii vojny [33 strategies of war]. Moskva: Ripol Klassik. 896 p. (In Russian)
- Grytsenko, A.A. (1997). Struktura rynochnoj transformacii inversionnogo tipa [Structure of market transformation of inversion type]. *Jekonomika Ukrainy*. № 1. P. 4–10. (In Russian)
- Grishin, I. (2017). Immigracionnye zaboty Shvecii [Immigration Concerns in Sweden]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. № 9. P. 66–76. (In Russian)
- Gurevich, P.S. (red.) (1986). Novaja tehnokraticheskaja volna na Zapade [A new technocratic wave in the West]. *Sbornik statej*. Moskva: Progress. 451 p. (In Russian)
- Deljagin, M. (2015). Chego my ne znaem [What We Do not Know]. *Svobodnaja mysl'*. № 1. P. 37–50. (In Russian)
- Zagorskij, A. V., Romashkina, N. P. (red.) (2015). Ugrozy informacionnoj bezopasnosti v krizisah i konfliktah XXI veka [Threats to Information Security in Crises and Conflicts of the 21st Century]. Moskva: IMJeMO RAN. 152 p. (In Russian)
- Ivanov, I. (2012). Anatomija evropejskih cennostej [Anatomy of European values]. *Sovremennaja Evropa*. № 2. P. 13–23. (In Russian)
- Jensen, R. (2008). Obshhestvo mechty. Kak grjadushhij sdvig ot informacii k voobrazheniju preobrazit vash biznes [Dream Society. How the coming shift from information to imagination will transform your business]. Moskva: Mann, Ivanov i Ferber. 270 p. (In Russian)
- Inozemcev, V.L. (red.) (1999). Novaja postindustrial'naja volna na Zapade [A new post-industrial wave in the West]. *Antologija*. Moskva: Academia. 640 p. (In Russian)
- Kaldor, M. (2015) Novye starje vojny: organizovannoe nasilie v global'nuju jepohu [New old wars: organized violence in the global era]. Moskva: Delo. 416 p. (In Russian)
- Kissindzher, G. (2015). Mirovoj porjadok [World order]. Moskva: "AST". 512 p. (In Russian)
- Kozin, N. (2005). Est' li budushhee u Zapada? [Is there a future for the West?] *Svobodnaja mysl'*. № 4. P. 192–201. (In Russian)
- Lomanov, A. (2012) Kal'cij dlja kommunistov [Calcium for the Communists]. *Rossija v global'noj politike*. № 6. P. 106–119. (In Russian)
- Lomanov, A. (2015). Obshhij znamenatel' nacii. Kitajskie cennosti budut sopernichat' s zapadnymi [The common denominator of the nation. Chinese values will compete with Western values]. *Rossija v global'noj politike*. № 5. P. 138–152. (In Russian)
- Luk'janov, F. (2017). Sverhderzhava na avtopilote i brodjachij prizrak [Superpower on autopilot and wandering ghost]. *Rossija v global'noj politike*. № 2. P. 5–6. (In Russian)
- Makkonnell, K. R., Brju, S. L. (1992). Jekonomiks: Principy, problemy i politika [Economics: Principles, problems and politics]: v 2-h t. Moskva: Respublika. (In Russian)

- Mareev, S. (2010). Idei, idealy i "cennosti" [Ideas, ideals and "values"]. *Svobodnaja mysl'*. № 1. P. 173–186. (In Russian)
- Mart'janov, V. S. (2016). Proshhaj, srednij klass [Goodbye, middle class]. *Svobodnaja mysl'*. № 5. P. 53–70.
- Marshall, A. (1993). Principy jekonomicheskoy nauki [Principles of Economic Science]: v 3-h t. Moskva: Izdatel'skaja gruppa "Progress".
- Mizes, L. fon (1994). Socializm. Jekonomicheskij i sociologicheskij analiz [Socialism. Economic and sociological analysis]. Moskva: Catallaxy. 416 p. (In Russian)
- Moss, M. (2015). Sol', sahar i zhir: kak pishhevye giganty posadili nas na iglu [Salt, sugar and fat: how the food giants put us on a needle]. Moskva: Mann, Ivanov i Ferber. 336 p. (In Russian)
- Ol'sevich, Ju.Ja. (1994). Poslevoennaja mysl' Zapada: kljuch k ponimaniju (vmesto zakljuchenija) [Postwar thought of the West: the key to understanding (instead of concluding)]. *Vsemirnaja istorija jekonomicheskoy mysl'i*: v 6-ti t. T 5. Moskva: Mysl'. 559 p. P. 508–522. (In Russian)
- Ol'sevich, Ju. Ja. (1999). Sovremennyy krizis jekonomicheskoy teorii marksizma (glava 31). Istorija jekonomicheskikh uchenij: (sovremennyy jetap). [The present crisis of the economic theory of Marxism (chapter 31).] Moskva: INFRA-M. 733 p. P. 687–700. (In Russian)
- Osipov, G.V. (red.) (1995). Jenciklopedicheskij sociologicheskij slovar' [Encyclopedic sociological dictionary]. Moskva: ISPI RAN. 940 p. (In Russian)
- Pajn, Dzh., Gilmor, Dzh. (2005). Jekonomika vpechatlenij [Economy of impressions]. Moskva: Vil'jams. 304 p. (In Russian)
- Piters, T. (2006) Osnovy. Dizajn [Fundamentals. Design]. Moskva: Mann, Ivanov i Ferber. 160 p. (In Russian)
- Plotnikov I. S. (red.) (1935). Merkantilizm [Mercantilism]. Leningrad: OGIz; Socjkgiz. 340 p. (In Russian)
- Problemy konfliktnosti v sovremennom mire (2016). [Conflict problems in the modern world]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. № 6. P. 90–101. (In Russian)
- Rydderstralle, Y., Nordstrem, K. (2004). Karaoke-kapitalizm [Karaoke-Capitalism]. Dnipropetrovsk: Balans Biznes Buks. 312 p. (In Ukrainian)
- Rouz, K. (2016) Vojna valjutnyh deval'vacij [The war of currency devaluations]. *Mir peremen*. № 3. P. 100–109. (In Russian)
- Samujel'son, P. A., Nordhaus, V. D. (2000). Jekonomika [Economy]. Moskva: Laboratorija Bazovyh Znanij. 800 p.
- Semenov, A. (1998). Novye pravila dlja novoj jekonomiki. Dajdzhest stat'i Kevina Kelli v zhurnale "Wired"[New rules for a new economy. Digest of Kevin Kelly's article in the magazine "Wired"]. *Znanie – sila*. № 4. P. 20–29. (In Russian)
- Si, Chen', Sypin', Aj, Lasu, Caj (2013). Put' nacional'nogo vozrozhdenija i kitaizacija marksizma [The path of national revival and Sinitification of Marxism]. Pekin: Pekinskaja kompanija "Shans"; Sankt-Peterburg: Buki Vedi. (In Russian)
- Slivotski, A. (2006). Migracija cennosti. Chto budet s vashim biznesom poslezavtra? [Migration of value. What will happen to your business the day after tomorrow?] Moskva: Mann, Ivanov i Ferber. 432 p. (In Russian)
- Solov'ev, Je. (2016). Vozrozhdenie istorii i problema formirovanija novogo miroporjadka [The revival of history and the problem of the formation of a new world order]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. № 5. P. 102–108. (In Russian)
- Soros, Dzh. (1999). Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshhestvo v opasnosti [The crisis of world capitalism. Open society at risk]. Moskva: INFRA-M. 261 p. (In Russian)
- Surikov, V. (2015). Pole bitvy – jekran [The battlefield is the screen]. *Jekspert*. № 18–19. P. 60–61. (In Russian)
- Turou, L. (1999). Budushhee kapitalizma. Kak jekonomika segodnjashnego dnja formiruet mir zavtrashnij. Novaja postindustrial'naja volna na Zapade [The future of capitalism. How the economy of today forms the world of tomorrow]. Antologija. Moskva: Academia. 640 p. P. 185–222. (In Russian)
- Utrata opredeljonosti: ochertanija postkrizisnogo mira (2014) [Loss of certainty: outlines of the post-crisis world]. Sed'moe zasiedanie intellektual'nogo kluba zhurnala "Svobodnaja mysl'". *Svobodnaja mysl'*. № 6. P. 133–152. (In Russian)
- Fukujama, F. (1990). Konec istorii? [The end of the story?]. *Voprosy filosofii*. № 3. P. 134–148. (In Russian)

- Hajtun, S.D. (2011). Postindustrial'naja npravstvennaja revoljucija i ee jekonomicheskaja (kejnianskaja) pervoosnova [The post-industrial moral revolution and its economic (Keynesian) basis]. *Voprosy filosofii*. № 3. P. 24–35. (In Russian)
- Hantington, S. (1994). Stolknovenie civilizacij? [The clash of civilizations?] *Polis*. № 1. P. 33–48. (In Russian)
- Czjun'zhu, L. (2017). Ob osnovnyh voprosah kitaizacii marksizma [On the main issues of Sinitization of Marxism]. *Svobodnaja mysl'*. № 4. P. 65–76. (In Russian)
- Cygankov, P.A. (red.) (2015). "Gibridnye vojny" v haotizirujushhemsja mire XXI veka ["Hybrid Wars" in the Chaotic World of the 21st Century]. Moskva: Izdatel'stvo MGU. (In Russian)
- Cherkovec, V.N. (red.) (1994). Vsemirnaja istorija jekonomicheskoy mysli [World History of Economic Thought]: v 6-ti t. T 5. Moskva: Mysl'. 559 p. (In Russian)
- Chernenko, E. (2016). Nachalo politicheskoy kibervojny [The beginning of political cyberwar]. *Rossija v global'noj politike*. № 6. P. 134–144. (In Russian)
- Shevchenko V.N. (2017) Tragedija perestrojki s točki zrenija kitajskih uchenyh [The tragedy of perestroika from the point of view of Chinese scientists]. *Svobodnaja mysl'*. № 4. P. 191–196. (In Russian)
- Shen'min, L. (2017) Oktjabr'skaja revoljucija slovno hudozhestvennoe polотно [The October Revolution is like an art canvas]. *Svobodnaja mysl'*. № 4. P. 9–20. (In Russian)
- Shmitt, B., Rodzhers, D., Vrocos, K. (2005). Biznes v stile shou. Marketing v kul'ture vpechatlenij [Business in the style of the show. Marketing in the culture of impressions]. Moskva: Vil'jams. 400 p. (In Russian)

Поступление в редакцию 04.12.2017

EUROPEAN VALUES: TRADITIONAL CONCEPTS IN THE ERA OF GLOBAL MARKET TRANSFORMATIONS

Tatiana Artemova

Author's affiliation: Doctor of Economics, Senior Researcher, Department of Economic Theory, Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine

The article clarifies the value basis of global market transformations, and reveals the traditional concepts of the values of social life. The author updates the heuristic potential of the concept of European values as the core of civilizational interactions for the substantiation of the programs for modernization of the system of socio-economic relations and reduction of uncertainty in economic prospects.

Key words: values of social life, civilizational interactions, global market transformations.

JEL: A130.